

Г. Жаргалсайхан

вице-президент Университета Одгон Тэнгэр, директор Института гуманитарных исследований
г. Улан-Батор

**Термины дикорастущих полезных и культурных растений
в лексике монгольских языков**

Автор рассматривает формирование и функционирование терминов, дикорастущих полезных и культурных растений в лексике монгольского языка, дает их лингвистический анализ.

Gundegma Jargalsaikhan

Terms of the helpful and cultured savage plants in the vocabulary of Mongolian language

The author studies the terms which designate the helpful and cultured savage plants, their appearance and functioning in the vocabulary of Mongolian language.

Известно, что современные научные знания о мире растений стали проникать в широкие слои монгольского населения только после народной революции 1921 г. в основном через систему школьного образования посредством изучения основ ботаники. Развитие же терминологии сельского хозяйства, в частности, по растениеводству и земледелию, а также в области пастбищно-сенокосного хозяйства относится к 40-м гг. XX в. Заметим, что сбор оригинальных материалов по оценке достоинств того или иного растения осуществлен А.А. Юнатовым (1961) опросным методом при изучении им флоры Монголии.

Формирование специализированной терминологии основывалось на традиционно используемой лексике. К примеру, такие термины кормовой флоры Монголии, как *ургамал* 'растение', *өвс ногоо* 'трава'. Термин *ургамал*, образованный от неопределенной формы глагола *ургах* 'расти', использовался скотоводами издавна, но не очень часто. Более широкое распространение получил термин *өвс/убс*, которым араты-скотоводы обозначали обычно травянистые растения и, как правило, использовали в качестве термина для обозначения растения вообще.

Термин *өвс* использовался монголами для обозначения зеленой травы, а для уточнения ее сочности и свежести добавляли слово *ногоо* от *ногоон* 'зеленый'. При этом зимняя или подсохшая трава именовалась часто как *цагаан өвс* 'белая трава' или *хагд* 'ветошь' от глагола *хатах* 'сохнуть, высушить, пересушить'. Следует заметить, что термин *өвс ногоо* активно использовался в быту в качестве обязательного компонента приветствия при встрече на пастбищах. Было принято спрашивать друг у друга: «*Танай нутаг өвс ногоо сайтай зунцлагатай юу?*» - Хороши ли травы на вашем стойбище для летней стоянки?

При более детальном разборе терминологии кормовой флоры араты-скотоводы обычно выделяют из общей массы разные группы растений. Эти группы далеко не всегда соответствуют таксономии того или другого растения, но при этом принцип их выделения на основе утилитарного подхода почти всегда совпадает с таксономией флоры. В частности, возможно выделить такие терминологические группы, как: *увт ургамал* 'злаки', *уяалжтан* 'осоки', *бударгана* 'солянки', *буурцагтан* 'бобовые', *сөөгнүүд* 'кустарники'.

Представление монгольского арата об окружающей его дикорастущей флоре довольно хорошо раскрывается при анализе самих местных названий кормовых растений, следует отметить их преобладающий, самобытный характер, что и следовало ожидать у народа, многие столетия занимающегося пастбищным животноводством. Имеющиеся же чужеродные заимствования в этноботаническом словаре относятся в основном к не кормовым растениям.

Интересно, что обнаруживается родство местных фитонимов с тюрскими корнями. Родство это объясняется историческим прошлым Монголии, ее связями с районами Казахстана и Средней Азии, испытавшими некогда монгольское влияние. Так, например, казахский можжевельник (*Juniperus sabina*) называется по монгольски *арц*, а в тюркских наречиях – *арча*; древнемонгольское начертание этого слова также *арча*. Подобные параллели можно обнаружить в таких названиях, как монг. *харгана* и казахск. *карагана* для видов рода *Caragana*; монг. *жигд* и тюркск.

джидда для рода *Elaeagnus*, монг. *будаа* и тюркск. *бидай* для культивируемых пшениц; монг. *хиаг* и казахск. *кыяк* для видов рода *Elymus* 'волоснец' и т.д. Также заметим, что представляет интерес анализ под этим углом зрения некоторых названий растений в русском языке, формирование которых испытало, по всей вероятности, монгольское влияние, к примеру, названий ковылей: монг. *дэрис*, *дэрс* и русск. *тырса*.

В отношении же заимствований в монгольском языке заметим, что наиболее широко они проявлялись в названиях дикорастущих лекарственных растений, использовавшихся в качестве традиционных средств тибетской медицины, господствовавшей в Монголии в прошлом и возрождаемой в настоящее время. Очень многие лекарственные травы имеют тибетские или реже китайские названия, иногда подвергающиеся уже местному языковому преобразованию.

В таких отраслях хозяйства, как земледелие и огородничество, внедрение которых в Монголию имеет сравнительно недавнюю историю, названия возделываемых растений отражают источники их проникновения. Так, подавляющее большинство огородных растений имеет свои или почти совсем не измененные китайские названия, например, *лууван* 'морковь', *улаан лууван* 'свекла', *байцаа* 'капуста', *манжин* – 'брюква'; названия других огородных или некоторых зерновых культур заимствованы из русского языка, например: *хошуу будаа* 'овес', *өргөст хэмх* 'огурцы'. Интересным в этом смысле является распространенное в Монголии название картофеля. На западе Монголии в районах Ховда и Улаангома картофель называли *сайяа* (заимствовано из китайского), в центре страны – *төмс* (монгольское название), на севере и северо-востоке у бурятского населения, находившегося в контакте с русскими поселенцами Забайкалья, он известен только под названием *харатапха* или *бульба*.

Широко бытующее мнение о том, что кочевое население животноводческих районов Центральной Азии пользовалось в прошлом и даже в настоящем почти исключительно продуктами животноводства, представляется неверным. Как отмечают ученые, кочевники-скотоводы в ряде случаев для разнообразных целей активно использовали и довольно в большом количестве названия видов местной дикорастущей флоры. Согласно этим исследованиям, основная масса монгольского населения животноводческих районов северо-западного Китая обнаруживает основательные и устойчивые знания местной дикой флоры, разнообразно используя ее терминологию в применении своеобразной технологии первичной переработки растительного сырья.

Монгольское население Центральной Азии довольно широко употребляет в пищу, как необходимое добавление к преобладающему мясо-молочному рациону, экспортные и местные продукты растительного происхождения. Применительно к дикой флоре это относится ко многим пищевым растениям, например: *цардуулаат* 'крахмалоносы', *жисмэгэнэ* 'ягоды', *мөөг* 'грибы', *сонгино* 'лук' и *амтлагч үнэртэн ургамлууд* 'пряно-ароматические виды'; из китайского языка – *чинжүү*, *чинжүү*, *халиар*, *огод*, *чанг гоньд* и т.д., растения, используемые в качестве приправ.

В прошлом в быт кочевого населения гобийских районов широко входили сбор и использование дикорастущих хлебных растений. В урожайные годы производился массовый сбор «не-сеянного» зерна одного из местных злаков – *суль* *Psammochloa villosa* (Trin. Bor) и особенно семян гобийской однолетней солянки – *кумарчин-цульхир* *Argiphylloium arenarium* и видов верблюдника *Cotispermum*. Эти хлебные суррогаты измельчались в ступах и поджаривались с маслом, превращаясь в своеобразное толокно, употребляемое с чаем. Жители северных районов собирали в норах крахмалосодержащие корневища горца-живородящего *мэхээр* *Polygonum viviparum* L.; путем раскопки зимних кладовых мышей-полевков *огодой* – *бор оготнын хөөв*, корнеклубни пионов – *цээнийн үндэс* *Paeonia anamala* L., *Albiflora* Pall; *наптуул буюу галуун гичгэнийн үндэс* – лапчатки гусиные *Potentilla anserine* L.; ревеня гобийского – *бэжууна* *Rheum palmatum* Sievers; зопника – *туутилин буюу булцуут туутилин* *Pilomis tuberosa* L.; луковицы лилий – *сараана буюу цагаан төмөрүүдийн булцууд* *Lilium tenuifolium* Fisch., *L. Dahuricum* Gawl., *L. Martagon* L. Все эти крахмалоносы *цардуулаат ургамлууд* употреблялись в виде приправы к мясу или с молоком и сливками.

Суровый климат Монголии ограничивал интенсивное развитие садоводства и только в последние годы стали создаваться небольшие плодоягодные плантации. Однако сбор и употребление в пищу в сыром виде или с переработкой разнообразных дикорастущих ягод имеют свои традиции. Широко практикуется заготовка смородины *үхрийн нүд* *ribes nigrum* L., *R. Altissimum* Turcz., *R. Rubrum* L.; крыжовника алтайского *Grossularia acicularis* Spach; *гүзээлзгэнэ* –

земляники, *бөөрөлөгөнө* – малины, *аньс* – брусники, *хөх нэрс* – голубики, *чацаргана* – облепихи *Nurprorhae rhamnoides* L.

Плоды сибирской дикой яблони – *өрөл* *Malus Pallasiana*, размятая распариванием, смешивают со сметаной, а высушенные ягоды черемухи – *мойл* *Radus asiatica* Kan. при измельчении смешивали с молочными продуктами, превращая в своеобразный сыр или так называемое *мойлтой тос* ‘черемуховое масло’. В пустыне Гоби местные араты употребляют ягоды обильно плодоносящей селитрянки – *хармаг* *Nitaria sibirica* Pall без сомнения перспективного ягодного кустарника для экстраридных районов.

Будучи обитателями открытых степных пространств, монголы избегают употреблять в пищу лесные грибы, однако степные шампиньоны – *цагаан мөөг* *Psalliota campestris* L. считаются весьма лакомой и полезной пищей. Сбор грибов на экспорт, главным образом в Китай, был ранее довольно широко распространен в степных районах Монголии.

Различные виды дикорастущего лука издавна используются местным населением в качестве острой приправы к мясу. Включение лука в рацион аратов, очевидно, связано с образом питания на зимнее и ранневесеннее время. Очень широко практикуется сбор крупных луковиц *уулын буюу алтайн сонгино* – алтайского лука *Allium altaicum* Pall; хорошо выдерживающих сильные морозы, листьев известного *халиар* *Allium victorialis* L. – витаминноноса черемши; *хөмөд* *Allium mongolicum* Rgl – монгольского лука; *таана* *A. pollyrthizum* Turcz – лука многокорневого, лук многокорневой (двузубый) – монгольское название точно не выяснено, в некоторых степных районах, примыкающих к Гоби, его называют *тан*. Интересно также, например, что русский термин «лук белоголовый» на монгольский язык переведен как *буурал сонгино* ‘седой лук’. Этот лук встречается в степной и горнолесостепных зонах Монголии.

Известно, что изготовление различных предметов обихода из растительного сырья имело широкое распространение у оседлых народностей Средней Азии. Однако в практике кочевых народов, к каковым относятся монголы, встречаются оригинальные способы изготовления некоторых бытовых предметов из местного растительного сырья. Так, из дикорастущей конопли кустарным способом выделывают нитки из которых плетутся веревки, также грубое волокно получается из стеблей тамариска, как набивочный материал для мебели и верблюжьих выюков употребляют листья ириса *Iris Bungei* Max и дериса *Lasiagrostis splendens* Kunth. Как материал для изготовления всякого рода поделок (плетенные корзины, корыта, чашки, чубуки, кнутовища, метлы и пр.) используется древесина тополей, ветви различных ив, кизильника, караганы, курильского чая.

В Монголии в специфических условиях климата, растительности и почвы Центральной Азии использование природных пастбищ с незапамятных времен являлось основным условием содержания и ухода за скотом. У монгольских животноводов-кочевников имеется богатый опыт по использованию пастбищ. Монгольскими учеными обобщен опыт кочевых скотоводов по использованию пастбищ. Особого внимания заслуживает книга «Устав о содержании лошади», написанная в 1853 г. монгольским автором по имени Тогтохтөр (Тован).

Особенно обширны и поразительны по тонкости и глубине наблюдений сведения, относящиеся к кормовой оценке важнейших пастбищных растений. Это объяснимо тем, что повседневная практика кочевого пастбищного хозяйства ставила скотовода в тесное соприкосновение с окружающим растительным миром. При этом в силу необходимости умелого выбора пастбищ для содержания скота в разные периоды года требовалось хорошее знание основных видов трав и их кормовых качеств применительно к отдельным видам скота с учетом питательности, наживочности, молокогонности или отрицательных свойств: ядовитости, способности повреждать кожу животных и т.д.

В практике монгольских скотоводов широко бытует своеобразная, построенная на бросающихся в глаза внешних признаках, утилитарная классификация пастбищных трав. В одну и ту же группу растений зачастую объединяются виды, даже далекие друг от друга в систематическом отношении, но более или менее сходные по внешнему виду и характеру использования. Такова среди злаков группа *хялгана*, к которой относятся разнообразные виды ковылей *Stipa*. Например, термины: *ахар цэцэгт хялгана* – короткоцветковый ковыль, встречающийся в Гобийском Алтае; *цивээт хялгана* – ковыль волосатик. Данный термин переведен на монгольский язык в переносном значении; *сайрны хялгана* ковыль галечный.

Названия горьких растений объединены в монгольском языке термином *гашуун* и составляют группу, в которую входят главным образом названия различных полыней *Artemisia*. Среди них ряд видов объединяется в подгруппу, обозначаемую термином *шаваг*, куда входят названия полукустарниковых полыней различной питательности, отличающиеся приставкой, означающей цвет.

Под термином *шарилж* выступает ряд названий многолетних и двухлетних полыней бурьянистого цвета, как правило, плохо поедаемых. Интересно, что эти полыни отличаются друг от друга названиями, определяющими высоту растения. Однако высота эта определяется не общепринятыми лексемами со значениями низкий, средний, высокий, а посредством названий животных, позволяющих распределить их соответственно росту, например, *тэмээн шарилж* от монг. *тэмээн* 'верблюд', *морин шарилж* от монг. *морин* 'лошадь', *ямаан шарилж* от монг. *ямаан* 'коза' и т.д.

Среди солянок ряд нажировочных, многолетних, полукустарниковых видов, отличающихся соленым вкусом, включается обычно в группу *бударгана*. Отдельные виды различаются по цвету и эта особенность тонко фиксируется в терминах. Ряд однолетних солянок, средне и плохо поедаемых, группируется под общим термином *хамхаг* 'легкий'. Почти все растения этой группы после усыхания становятся лековесными и разносятся ветром.

Многие местные названия растений поражают своей меткостью. В названиях подчеркиваются или характерные черты растения или наводящие на аналогии признаки. Широко распространенная в степях Монголии змеевка *Gleistogenes squarrosa* (Trin) обозначена термином *хазаар өвс* 'уздечка-травя'. Действительно, извилисто перекрученный стебель, легко отламывающийся после созревания семян, переносится ветром на более высокорослые травы и легко цепляется, как бы надеваясь на них. Один из видов степных ирисов *Iris tenuifolia* Pall, имеющий ремнеподобные, плотные и прочные листья, обозначается термином *цулбуур өвс* 'повод уздечки'.

Ряд растений назван на основе сходства с теми или иными особенностями животных: ластовень сибирский *Amititoxicum sibiricum* L/Polod, обладающий вытянутыми веретенообразными плодами, выражен термином *тэмээн хөх* 'верблюжий сосок'; пустыльник беловойлочный *Panzeria lanata* L. Pers в соответствии с формой листа обозначается термином *нохойн хэл* 'собачий язык'; тонкостебельный лук *Allium anisopodium* Ldb – термин *шувуун хөл* 'птичья нога' и т.п. Мордовник даурский *Echinops dahuricus* Fisch, увенчанный плотным шаровидным соцветием, выражается термином *лам тархи* 'голова ламы', поскольку ламы ходят с бритой головой или коротко остриженные; другое название *тайжийн жинс* уводит нас в далекое прошлое Монголии: до революции знать (тайжи) и крупные чиновники носили на шапке знаки отличия в виде цветных шариковых драгоценных камней (жинс).

Таким образом, лингвистический анализ местного ботанического словаря представляет большой интерес и может оказаться полезным для целей сопоставительного языкознания.

З.Р. Дохова

аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета
г. Нальчик

Обращение и типы коммуникации

В лингвистике существуют разные, порой диаметрально противоположные взгляды на лингвистический статус обращения. Статья посвящена доказательству того, что всякое обращение сигнализирует о конкретном типе коммуникации.

Z.R. Dokhova

Appeal and type of the communication

There are different sometimes diametrically opposite, views on linguistic status of the appeal. Why this article is devoted to the provement that addressing signals about the definite type of the communication.